

П. ПОЛЕВОЙ

«Северная Семирамида»

(По поводу столетия со дня кончины императрицы Екатерины II)

<...> Встречаясь в начале века с грозною, все подавляющею, колоссальною личностью Петра, а во второй половине века с обаятельным образом Екатерины, историк одинаково сознает себя слабым и бессильным над непомерно-трудною задачею: сказать правду о Петре и Екатерине, разобравшись в нескончаемом хаосе восторженных похвал и ожесточенных порицаний, которыми в таком невероятном изобилии почтена память этих великих государей. Вольтер, дерзавший мечтать о возможности написать историю Петра Великого, писал в то же время: «Счастливым будет писатель, которому лет через сто придется написать историю Екатерины II!»¹ Умнейший представитель литературы XVIII века, видимо, не постигал всей трудности такой задачи и относился к ее значению с некоторым легкомыслием...

Современные Екатерине западные писатели и поэты, восхваляя ее в стихах и прозе, часто называли ее «Северною Семирамидою». Тонкие льстецы, изобильно воскурившие фимиамы перед Екатериною, в своем далеко не бескорыстном усердии, кажется, не вполне сознавали, до какой степени верно было придуманное ими поэтическое прозвище. Именно «Семирамида»; великая, славная и окруженная загадочным туманом среди блеска своей славы и совершенных ею подвигов! Пятнадцатилетнюю, скромную и бедную немецкою принцессой явилась она в Россию, по непонятной прихоти судьбы вызванная из тесной и непривлекательной обстановки крошечного Ангальт-Цербстского княжества, чтобы со временем стать во главе громадного Российского государства. Никому тогда, конечно, и в голову не приходило, что эта «ангальтянка» (как называл Екатерину Фридрих в своих депешах к прусскому резиденту) будет

со временем играть мировую роль и распоряжаться судьбою царств и народов, и даже дальновидный, «великий» Фридрих весьма охотно принимал на себя в данном случае роль свата, рассчитывая, что маленькая ангальт-цербстская принцесса, став императрицей всероссийской, будет служить ему покорным и удобным орудием в достижении его политических целей и идеалов. Но немецкая принцесса, очутившись среди шумного двора Елисаветы, не дала себе вскружить голову и очень быстро освоилась с новыми для нее условиями жизни своего нового отечества. Она прежде всего занялась самообразованием и, жадно предаваясь обширному и разнообразному чтению модной литературы современных ей французских писателей и философов, в то же время усердно изучала русский язык, зорко наблюдала и усваивала русские нравы и обычаи, вникала в самый характер народа, которым ей предстояло править... Окруженная самыми неблагоприятными условиями в своей семейной обстановке, вынужденная постоянно замыкаться в себе самой и остерегаться подозрительности старой императрицы-тетки, Екатерина сумела найти себе выход из своего затруднительного положения, создав себе тесный и преданный кружок друзей, среди которого она могла свободно отдыхать и горячими привязанностями вознаграждать себя за тягости и невзгоды своей несчастной супружеской жизни. При помощи выдающихся деятелей этого небольшого кружка друзей, Екатерина, с одной стороны, вошла в сношения с представителями западной дипломатии и получила первые начатки своего политического воспитания, а с другой — завязала связи с войском и нашла себе горячих почитателей и приверженцев среди гвардии, тогда пополнявшейся лучшими представителями русской знати и дворянства. К тому времени, когда неспособный и недалёковидный Петр III вступал на престол и с первых же шагов своих оскорблял лучшие чувства и убеждения русского народа, — все уже любили Екатерину, противопоставляли ее Петру III и возлагали на нее упования, от выполнения которых она не могла уклониться и ради своей личной пользы, и ради блага русского народа...

В силу этих упований и совершился так легко и просто известный переворот 28 июня 1763 г., благодаря которому угнетенная и пренебрегаемая своим супругом Екатерина Алексеевна свела его с престола и сама взошла на него самодержавною императрицею Екатериною II. Это вступление произвело страшный переполох в среде дипломатов-иностранцев, живших в столице; но самое значение события было ими не понято и не оценено по достоинству... Те из них, которые пользовались расположе-

нием бывшего императора, упали духом, ожидая крупных поворотов в русской политике; другие, напротив того, возликовали, ожидая, что им не трудно будет обойти новую самодержицу и приобрести ее расположение. И что же? Оказалось, что и те, и другие ошиблись в своих расчетах, потому что не знали Екатерины; а она с первого же дня своего самодержавия выказала себя настолько неумолимо-деятельною и осторожною в действиях своих, что далеко превзошла ожидания даже и самых искренних своих друзей и приверженцев. Вскоре, однако же, дипломатам пришлось убедиться, что эта «молодая и неопытная» государыня, которой тогда было не более 33 лет, умеет уже изумительно владеть собою и в политике действовать совершенно объективно, не руководясь ни симпатиями, ни антипатиями личными, а только одним главным соображением: интересами государственными. При этом она превосходно усвоила и тот главный дипломатический принцип, на основании которого действовали по общему соглашению все дипломаты-канцлеры; она постоянно «для света декларировала» одно, а на деле осуществляла другое... Точно так же ошиблись в своих ожиданиях и ее приближенные, и все усердные пособники ее в переломе 28 июня: всех щедро наградив, она никого не наказала, ни на кого не положила суровой опалы, и этим привлекла к себе сердца даже злейших врагов своих и порицателей. Не успев еще остановить свой выбор на людях, которые бы могли ей быть действительно полезны и нужны, она тщательно озиралась кругом и действовала удивительно осторожно, прося советов у всех (даже у людей, которых считала гораздо ниже себя по уму!), даже выражая всем свою признательность за подобные советы, и в то же время ни на минуту не уклоняясь от вполне самостоятельного способа действий в разрешении самых мудреных вопросов... В этом высказывалась уже одна из преобладающих черт ее нравственного типа: смелая и спокойная уверенность в себе, которая, в связи с большим самообладанием, давала Екатерине полную возможность искусно и ловко пользоваться тою громадною властью, которая случайно досталась ей в руки. Счастье ей послужило на первых порах, кстати и вовремя устранив с ее пути двоих претендентов на престол, и еще более усилило основные черты ее типа, подкрепив их верою в «свою звезду», в свое предназначение.

В первые два года своего царствования, посвященные главным образом заботам об утверждении своей власти, Екатерина весьма охотно предавалась разрешению вопросов внутренней политики. Избрав себе за образец Петра Великого, имя которо-

го она всегда произносила с благоговением и весьма охотно ставила во главе своих манифестов, Екатерина, — порицавшая открыто «неприлежание к делам своих некоторых предков», — выказала себя изумительно деятельною, неутомимую труженицей и достойною преемницей великого преобразователя России. По-видимому, она даже и наметила себе те именно вопросы, которые некогда привлекали и его внимание: права сословий, устранение злоупотреблений, вкравшихся в церковь, исправление и пополнение законов гражданских и общественное благоустройство. Подобно Петру, хотя, может быть, и с меньшею искренностью, Екатерина любила в эти первые годы царствования при каждом удобном случае напоминать, что «иных видов не имеет, как наивысшее благополучие и славу отечества»; она сумела даже привлечь внимание русского общества к тем вопросам, которые выдвигала на первый план; но когда почувствовала себя твердо установившеюся на престоле, то гораздо более увлеклась вопросами внешней политики, в которых находила удовлетворение своему сильно развитому славолочию и широкое поле для применения тонкой расчетливости своего замечательного женского ума, своих быстрых и поразительно ясных соображений. На пользу этой смелой внешней политике, которая дала России первенствующее место в среде великих европейских держав, направлены были все силы народа, забыто было «благополучие отечества» и отложены в сторону все благие начинания, столь важные для внутреннего благоустройства России.

В области политики внешней она выказала такую кипучую деятельность, такую неутомимость, которая свидетельствует о ее необыкновенной подвижности и энергии. А те совершенно новые приемы, те лично ею придуманные мероприятия и политические уловки, которые она вносила в область дипломатии, указывают ясно на гибкость ее ума, изобретательного, находчивого и неистощимого в средствах для достижения намеченной цели. Она достигла в этой области таких громадных успехов, таких удач, о которых за полвека перед тем не дерзал даже и мечтать великий преобразователь России; Турция, некогда могущественная и грозная, была потрясена до основания, Россия приобрела Крым и побережье Черного моря и получила львиную долю в разделе Польши, который (как теперь доказано) совершен по замыслу и инициативе Екатерины, а не Фридриха Прусского. Гениальный государственный ум Екатерины ясно выказывается в том, что она, расширяя пределы России, не переставала заботиться о тесном слиянии окраин с центром и по-

нимала это слияние так тонко и верно, как не понимали его даже и сто лет спустя многие из современных нам государственных деятелей... «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия, — так пишет Екатерина к одному из своих приближенных², — суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями. Нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно б было; однакож и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании — есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью глупостию. Сии провинции, так же и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу... К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут начальниками в тех провинциях...» Программа превосходная, и если бы соблюдалась последовательно и точно, мы были бы уже теперь избавлены от многих докучных, назревающих вопросов нашего времени. От природы одаренная умом смелым и предприимчивым, не любившая никаких стеснений в проявлениях своей воли, Екатерина в ранней своей молодости значительно тяготела к западному либерализму и сочувствовала его главным основаниям. Но житейский опыт научил ее тому, что многое, пригодное на Западе, неприменимо в России, и потому она уже в самом начале своего царствования отклонила панинский проект «императорского совета», а несколько позже писала уже с полною уверенностью: «Российская империя есть столь обширна, что, кроме самодержавного государя, всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочее медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеет, которые все к раздроблению власти и силы втянут, нежели единого государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда и почитающего общее добро * своим собственным»³.

Эта мысль, вполне верная в основе своей, укреплялась более и более в Екатерине, которая, по мере того как она входила в лета и становилась более и более опытною в науке управления государством, — убедилась в том, что окружавшие ее деятели, даже из ближайших к ней лиц, нуждались во власти сильной и сознательно применяющей свою силу... В особенности убедила ее в этом неудачная попытка предпринятой ею законодательной реформы, в которой она не пошла далее «Наказа», наделавшего так много шума в Европе и весьма своеобразно понятого в Рос-

* На языке XVIII в. выражение «общее добро» было равносильно нынешнему «общественное благо».

сии. Когда же самый проект составления «Нового Уложения» на деле стал осуществляться, Екатерина увидела, что широко задуманный план следовало бы приводить в исполнение не сверху, а снизу: надо было начать с освобождения крестьян! Но она испугалась того недовольства, которое должна была возбудить против себя, и отказалась от выполнения своего проекта. Ее слова о том, что она «инога не желает, как благоденствия подданных, какого бы они звания ни были», — остались только громкою фразою, не осуществимою на деле, и положение народа в царствование Екатерины было весьма печально: он нес на себе все тягости и, закрепощаемый сотнями тысяч во власть помещиков, не пользовался никакими правами... В том глухом, но глубоком недовольстве, которое было порождено таким (отчасти невольным) отношением Екатерины к нуждам крестьянского сословия, и заключается ближайшая разгадка быстрых успехов пугачевщины. По всем вероятностям, однако же, это жалкое положение народа, — которое Екатерина не могла не знать и на которое она старалась смотреть сквозь пальцы, — составляло большое место в сердце великой государыни, которая оказывалась не только чуткою, но даже раздражительною при каждом, даже и малейшем, намеке на то, что народ «не благоденствует» в ее царствование... Радищев, решившийся высказать это печатно, навлек на себя всю тяжесть ее гнева; а Потемкин, сумевший так ловко раскинуть перед глазами спутников путешествия Екатерины на юг России такую блестящую и лживую картину «народного благополучия», понимал, что оказывает «матушке-царице» услугу, которую она вполне способна оценить.

Многие из подобного сопоставления фактов могли бы, пожалуй, вывести заключение не совсем правильное; могли бы подумать, что Екатерина сама себе противоречила, когда писала одному из своих приближенных: «Я весьма люблю правду, а вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить против меня без всякого опасения, лишь бы только то благо произвело в деле...» Но в сущности противоречия тут никакого не оказывается, так как в основе его лежит то резкое различие, которое Екатерина всюду проводила между своею частною жизнью и деятельностью, и своим официальным отношением к обществу русскому, и в особенности европейскому. Простая и доступная в сношениях с теми, кто разделял ее труды и удостаивался ее доверия, она «любила правду» и «допускала споры»; но в то же самое время создала целую систему официальной лжи, которою отводила глаза Европе, то вступая в сношения с современными ли-

тературными знаменитостями, вроде Вольтера, Дидро и др. и осыпая их своими милостями, то поддерживая, с замечательной настойчивостью и терпением, многолетнюю переписку с несколькими избранными лицами в разных концах Европы, и в этой переписке, даже с некоторою видимою откровенностью рисуя довольно подробно картину своего царствования и своей частной жизни, но освещенную именно с такой стороны, с какой Екатерине это было нужно по отношению к большинству европейской публики.

Величие Екатерины, необычайная сила ее ума и характера как самодержицы выказывались более всего в ее уменьи править людьми и покорять себе сердца. Выбор людей, которых она к себе приближала, которых избирала себе в ученики и помощники, был далеко не всегда удачен; но ее уменье обращаться с ними, извлекать из них всю ту пользу, какую они способны были принести, было поистине изумительное. Один из ее современных историков справедливо замечает, что «счастье было у нее на послугах и приводило к тому, что даже самые рискованные предприятия ее увенчивались успехом; но зато и она была достойна своего счастья — она умела им пользоваться». Постоянно сохраняя свое достоинство, мужественно, спокойно и уверенно даже в минуты больших неудач и тяжелых испытаний, она умела внушать бодрость духа даже и самым малодушным людям, и привязывала к себе всех, кого допускала до непосредственной близости, всеми чарами своего обаяния, как царица и как женщина. Державин с восторгом посвящает несколько страниц своих «Записок» выяснению этого обаяния частных и личных сношений с Екатериною, а постоянный корреспондент Екатерины — Grimm — в следующих, глубоко прочувствованных, строках говорит о том сильном впечатлении, которое эта великая женщина производила на него даже и путем постоянных письменных сношений... «Переписка с нею, — пишет Grimm после кончины Екатерины, — являлась для меня единственным благом, единственным украшением моей жизни, основою моего счастья и такую же существенною стороною моего существования, как дыхание в жизни организма... Даже и вдали от нее я создал себе нечто вроде почитания ее особы, нечто вроде священного культа. Я до такой степени сжился с ее воззрениями, что они стали неразлучны с моим сознанием, с каждою мыслью моею... И где бы я ни был, и чем бы я ни был занят, она никогда не выходила из моей памяти и моего сознания»⁴.

Любимым идеалом Екатерины был постоянно ее великий прдшественник — Петр, гениальный труженик на пользу Рос-

сии, и Екатерина явилась на престоле вполне достойною своего идеала. В своей неутомимой и плодотворной деятельности государственной она может быть сравнена только с Петром Великим, и если заслуга Петра заключалась именно в том, что он из государства Московского создал «государство Российское», то заслуга Екатерины заключается в том, что она сумела вдунуть новую жизнь в мертвые формы, созданные Петром, сумела внушить всем русским людям гордое сознание могущества России и разумное понимание тех исторических задач, которые предлежат России в будущем. <...>

